

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

МОЛНИЯ
В РУКАВЕ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Молния в рукаве

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Молния в рукаве / С. В. Самаров — «Автор», 2017 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-699-93247-4

Бывшему капитану ГРУ частному детективу Тимофею Страхову поручено расследовать убийство предпринимателя Алевтины Соколянской. Сыщик обращает внимание на то, что уже после смерти тело убитой было изуродовано сякенами («звездочками ниндзя»). Страхову хорошо знакомо это оружие: во время командировки на Кавказ капитан ГРУ был ранен точно такими же «звездочками». Под подозрение попадает компаньон Соколянской и по совместительству руководитель школы восточных единоборств Илья Тропинин. Кажется, это верный след. Но неожиданно происходят еще несколько похожих убийств. После этого ветерану спецназа становится ясно: кровожадный «ниндзя» на свободе, и ему нужны не деньги покойной бизнесвумен, а кое-что посерьезнее...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93247-4

© Самаров С. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	22
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Самаров

Молния в рукаве

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

Женщина в возрасте с копной рыжих волос, похожей на гнездо «новой русской вороны», как минимум трехэтажное, встретила меня в коридоре детективно-правового агентства. Ее спутник не был рыжим, поскольку волосы, в отличие от нее, почему-то не красил. В грубоватом лице этого высокого сухопарого парня легко отыскивалось некое фамильное сходство с женщиной. Догадаться было нетрудно – это мать с сыном. Они стояли у двери моего кабинета.

Я вежливо поздоровался с ними и вытащил из кармана ключ, чтобы открыть дверь.

Тут женщина шагнула ко мне и спросила:

– Это вы будете Страхов?

– Так точно, – по-военному четко ответил я.

В принципе, мне нетрудно было понять, что это мои потенциальные клиенты. Это меркантильное соображение заставило меня не слишком смущаться, глядя на трехэтажное сооружение, громоздившееся на голове этой милой женщины.

Напрягался я только потому, что был назван по фамилии. Я вообще далек от мысли переоценивать свои способности в сыске и твердо знаю, что пока еще не приобрел на этом поприще такую популярность, что клиенты желали бы использовать только меня и никого другого. Хотя в глубине души я и надеялся на подобную «звездность» в будущем. Есть же известные адвокаты. Почему бы мне не стать таким же сыскарем?

– Тогда мы к вам.

– По какому поводу?

– Мы желали бы нанять вас для проведения расследования.

Предчувствие меня не обмануло. Подвела только скромность.

– Могу этому только порадоваться, но, к сожалению, сам я заказы не принимаю. Вам следует первоначально договориться с нашим генеральным директором. Если вы найдете общий язык, он отправит вас в бухгалтерию. Там есть финансово-договорной отдел. После оформления заказа я буду рад вас принять.

– А где кабинет вашего генерального директора?

– В торце коридора. Босс обычно приходит на работу первым. Предполагаю, что он уже в кабинете. Идите прямо. У нас заблудиться сложно.

Конечно, я слегка растерялся. Поэтому даже не спросил, кто направил клиентов именно ко мне.

Отправив посетителей, я открыл кабинет, сел за стол и стал с умилением дожидаться возможности рассмотреть «воронье гнездо» попристальнее. Я просто транслировал в мировой эфир свое желание получить новое задание, и не зря старался.

Скоро мне позвонил Петр Васильевич Новиков, наш генеральный директор:

– Тим Сергеевич, забеги ко мне. Срочно.

Петя только-только начал со мной на «ты» разговаривать. Он все еще заметно стеснялся этого, стремительно произносил слова и глотал окончания.

– Иду.

Посетителей у директора уже не было. Значит, договорились быстро и Новиков отправил их в финансово-договорной отдел бухгалтерии.

– Работа пришла. Персонально для тебя.

– Я уже в курсе. Только задумался о выборе детектива. Почему именно меня затребовали?

– Парень этот, который с мамой пришел, раньше на Расинского работал, был уверен, что тот непотопляем и сам способен любого завалить. Расинский действительно многих угробил, пока на тебя не нарвался. Парень уверен, что ты не краснеешь перед авторитетами. Еще он

считает, что полиция найдет какого-нибудь козла отпущения. Поэтому он и маменька его просят, чтобы ты нашел настоящего убийцу. Мне, бывшему менту, такая постановка вопроса не по душе. Тем не менее я лучше других знаю, сколько правды в подобных утверждениях.

– Значит, убийство?

– Да, серьезное дело. Я не в курсе всех подробностей. Ты сможешь ознакомиться с ними у капитана Сани. От уголовного розыска дело ведет она. С Радимовой ты сработаешься. Боюсь только, что такое серьезное дело могут забрать в область. А тамошние хмыри запросто тебя отошлют. К ним подобраться без взятки даже частному сыщику сложно. Короче говоря, возвращайся в кабинет и жди клиентов. Можешь сразу приступить. Финансовая сторона их мало волнует. Если будут дополнительные расходы, нарисуем еще один счет. С этим пунктом договора они согласились без претензий. Даже ввести лимит не потребовали. Выслушай их и отправляйся в горотдел. Я сейчас позвоню туда, предупрежу о твоём официальном участии. Хотя тебя, думаю, и без моего звонка примут, даже чай заварят.

– Лучше позвони, – попросил я, проявляя скромность, хотя сам понимал, что с капитаном Саней мне легче работается, чем даже с нашим генеральным директором.

Разговор с заказчиками был недолгим и много сведений не принес.

Была убита бизнес-леди Алевтина Николаевна Соколянская. После себя она оставила не только дело, но и большие деньги, которыми до совершеннолетия сына распоряжаться будет, видимо, бабушка с трехэтажным гнездом на голове. Хотя опекунство еще должен оформить суд. Брат убитой женщины брал на себя управление ее бизнесом.

В головах моих заказчиков сидело прочное и непоколебимое мнение о работе полиции. Составлено оно было в основном по материалам интернет-изданий и различных сплетен. Хотя и сами они с полицией сталкивались.

Однажды у Артура Николаевича, это брат убитой женщины, угнали машину. Она до сих пор в розыске, и никаких следов не обнаружено.

В тот же год какие-то ухари обокрали один из магазинов Алевтины Николаевны. Розыск тоже результатов не дал.

Против такого мнения я высказываться не стал. Именно оно обеспечивало заработком не только меня, но и Новикова, весьма довольного своей львиной долей.

Но и поддерживать эту тему я тоже не пытался, потому что это было бы с моей стороны не честно. У меня с городским уголовным розыском сложились хорошие связи, а с офицерами – товарищеские, если не сказать больше, отношения. Они помогали мне, я, по мере своих скромных сил, содействовал им.

Глава первая

– Это неопровержимый закон сыска. Убийцу женщины следует искать среди людей, так или иначе связанных с ней. Чаще всего – среди мужчин, способных к интимным отношениям, близким по возрасту, чуть старшим и хотя бы слегка привлекательным. – Капитан Саня на полном серьезе излагала мне основополагающие принципы сыска.

До этого у меня кое-что получалось и без знания таковых, но я все равно не отказывался от помощи такого учителя.

– Большая часть убийств женщин совершается на бытовой почве. Потом идут сексуальные и деловые мотивы. Исходить всегда следует из самых вероятных вариантов. То есть бытовых. Хотя в данном конкретном случае это нам не подходит. Женщина одинокая, а бытовые убийства – это семейные ссоры или, чаще, разборки между сожителями.

Радимова сидела за компьютером и набирала текст, сначала написанный ею же на листе бумаги. Мне, честно говоря, казалось, что она вколачивает его туда как гвозди. Но свои оценки я придерживал при себе.

Я вежливый человек, не стремлюсь никого обидеть, даже если кто-то настоятельно просит угостить его кулаком. Мне не в лом даже съездить за молотком домой по просьбе капитана Сани. Этим инструментом гвозди забивать, на мой взгляд, легче, чем пальцем.

Капитан Саня никак не могла привыкнуть сразу вкладывать свои мысли в компьютерные файлы. Поэтому она дважды выполняла одну и ту же работу. Сначала писала текст, потом набирала и исправляла его, после этого сохраняла на сайте своей конторы.

В городском управлении внутренних дел недавно появился новый заместитель начальника. Ему отвели сферу деятельности, которая никак не хотела укореняться в ментовской среде, – компьютеризацию рабочих процессов. Сотрудники управления, конечно, научились пользоваться компьютером, хотя и в разной степени. А вот вести с помощью этого агрегата делопроизводство с тем же мастерством, с каким они играли в детские стрелялки, у них никак не получалось. Это считалось ненужным и необязательным.

Несколько десятков приказов, изданных новым заместителем начальника управления в первые же дни работы, начали делать свое дело. Пару человек наказали, кажется, даже финансово, остальные включились в работу рьяно и суетливо.

В том числе и капитан Саня. Но между делом, осваивая компьютер, она и меня учила теоретическим премудростям сыска. Я же почему-то не конспектировал ее лекции. Наверное, по собственной великой лени.

При этом капитан Саня помнила о том, что я однажды уже выяснил ее пароль для входа в систему сервера городского управления МВД. Она не понимала, как я это сделал, но на всякий случай сменила свой пароль.

Новый я уже, честно говоря, уловил, наблюдая за ее пальцами, и запомнил, но показывать этого не пожелал. Пусть считает, что я остался в неведении. Без этого она опять будет менять пароли или просто перестанет при мне пользоваться компьютером. Я буду виноват в том, что начальство накажет ее.

Мне иногда требуется войти в ментовскую картотеку и вообще посмотреть данные по некоторым делам и обстоятельствам, а нового пароля я знать не буду. Это беда.

– А если убивают мужчину? – задал я естественный вопрос, не показывая, что внимательно слежу за ее работой. – Женщина, скажем, лишает его жизни. Бывает же такое!

– Случается. Но не часто. Намного реже, чем наоборот. – Капитан Саня поморщилась. Я, кажется, своим вопросом сбил ее с мысли, заставил думать в другом направлении.

Но все же ответила она спокойно, без импульсивной реактивности, свойственной большинству женщин:

– С мужчинами всегда сложнее. Там много факторов, которые приходится анализировать. Тем не менее среди общего числа убийц почему-то девяносто четыре и семь десятых процента мужчин. Так статистика говорит. Это данные по стране, а не только по нашему городу. Правда, не помню, за какой год. Но, видимо, это средняя величина. Такие показатели, конечно же, не случайны. Мужчине, как я понимаю, свойственна агрессивность в поведении, желание разрешить спор с помощью собственной силы. Тестостерон в организме работает. Я слышала, что именно из-за него у человека повышается склонность к кардинальному решению любых вопросов. Чтобы раз и навсегда. Категорично. А у женщины сильно развиты материнские инстинкты. Вот я, например, когда вижу в подземном переходе бомжа, валяющегося в луже мочи, всегда думаю о том, что он ведь чей-то сын, был когда-то чьим-то любимым ребенком, маленьким, нежным, беззащитным. Но я не слышала, чтобы мужчины так размышляли. Видимо, не мужской это способ мышления. Само направление мысли изначально не такое, если вообще не прямо противоположное. Вот ты что думаешь, когда через такого бомжа перешагиваешь?

– Я не перешагиваю. Я стороной обхожу и думаю, как в его лужу ногой не влезть, – ответил я вполне серьезно.

Да, я считаю, что мужчина обязан брать на себя решение всех вопросов, в том числе и тех, которые напрямую касаются его собственной жизни и состояния.

– Вот-вот, мы совершенно по-разному мыслим.

Но я легко нашел прокол в ее высказывании. Если уж не сквозную дыру, то хотя бы слабое место.

– Значит, должна быть разница в способах работы двух следователей, мужчины и женщины, не так ли? – осведомился я. Разная методология...

– Ты опять переводишь все в утилитарную плоскость! – сказала она и смешно, по-кошачьи, фыркнула.

Когда ей нечего возразить, Радимова часто отвечает восклицаниями-обвинениями, считая их аргументами.

Но я предпочел возразить ей, уже с собственной точки зрения, куда более аргументированно:

– Нет. Просто я однажды ехал в поезде, но в одном купе с пожилой женщиной, профессором, социальным психологом. Она много чего рассказала мне о своей работе. Их лаборатория ставила опыты на школьниках. Простейшие. Например, они приносили в класс мешок с котом и предупреждали, что в нем. Давали мешок и девочкам, и мальчикам, просили запомнить первые мысли, которые появятся в голове при виде мешка. Так вот, большинство девочек начинали думать, какого цвета котенок, пушистый ли он, игривый ли, кот это или кошечка. А мальчики сразу начинали соображать, как развязать узел, которым мешок завязан. Совершенно разное мышление, восприятие окружающего мира. Поэтому социальные психологи настаивают на раздельном обучении в школе мальчиков и девочек, как это было в царской России. Я думаю, законодатели напрасно их не слушают. Среди них тоже много женщин. Они чувствуют себя оскорбленными таким подходом. Говорят, что так скоро и в Государственную думу женщин избирать запретят.

– И в уголовном розыске служить не позволят, – завершила за меня капитан Саня.

– Но это все выводится из твоих соображений о разных способах мышления мужчин и женщин. Они не могут понять модель поведения друг друга.

– Заболтал ты меня совсем. Сама уже запуталась. Значит, они должны расследовать преступления, совершенные лицами их пола? Так, наверное, получается, исходя из твоих соображений? А что, в чем-то ты, может быть, и прав. Я не всегда могу понять преступника-мужчину, а женщину обычно нюхом ощущаю. Как собака.

– Я вот к чему это говорю. Надо учиться разделять способы преступления, чтобы найти убийцу, мужчину или женщину. Характерные особенности мышления и, соответственно, поведения. Значит, и методология совершения преступления разная.

Нам с ней опять пришлось работать по одному делу. Параллельно, не в тандеме. Но при этом мы, как обычно, старались помочь друг другу.

Была убита Алевтина Николаевна Соколянская, относительно молодая самостоятельная и эмансипированная женщина, бизнес-леди, как сейчас таких называют. Владелица частной галереи арт-искусства и трех бутиков современной одежды для молодежи. Зарабатывала неплохо для своих двадцати шести лет, содержала не только себя с сыном, но и мать с неженатым младшим братом.

Капитану Радимовой расследовать это дело выпало по долгу службы. Меня же наняли мать и брат убитой, уверенные в том, что уголовный розыск не сможет найти преступника. «Как всегда» – прозвучала в разговоре такая фраза!

Артур Николаевич, младший брат убитой, некоторое время работал, не знаю уж, кем именно, у Валерия Павловича Расинского, мафиозного заместителя председателя законодательного собрания области, которого только совсем недавно удалось осудить и отправить по этапу на длительный срок. Артур Николаевич когда-то считал Расинского непотопляемым авианосцем и был очень впечатлен тем, что мне удалось справиться с ним и с его окружением. Он и уговорил свою мать, Юлию Юрьевну Соколянскую, обратиться ко мне, чтобы я искал убийцу параллельно с уголовным розыском.

Капитан Саня против совместной работы не возражала. Раньше у нее был напарником капитан Взбучкин. Но он был осужден вместе с Расинским и уже уволен из уголовного розыска. Нового сотрудника на работу пока не приняли, и потому Радимова рассчитывала на мою помощь.

Тем более что я при этом выполнял бы и свою собственную работу, причем очень даже неплохо оплаченную. Юлия Юрьевна Соколянская и ее сын Артур Николаевич финансовых затруднений, как я понял, не испытывали. Они должны были благодарить за это дочь и сестру, ныне, увы, покойную.

– У тебя была фора в день. Я заказ получил позже, чем ты начала работать. Можешь порадовать меня информацией?

– Возьми в верхнем ящике стола, – предложила Саня, продолжая набор другого документа. – Там все в тоненькой папочке. Больше начальники мне пока ничего не добавили.

Это значило, что она набирала на компьютере что-то, относящееся к другому делу. Но наличие папочки в ящике стола меня в заблуждение не ввело. Материалы каждого уголовного дела, согласно новому приказу, должны дублироваться, сохраняться как в электронном варианте, так и в бумажном.

– Коротко пересказать не можешь? Мне читать лень. Да и почерк у тебя – пособие для урока криптографии.

– Если только через часок. Когда освобожусь.

Да, для работы в качестве секретарши капитан Радимова явно не годилась. Такая барышня не продержалась бы на этой должности и до обеда. Набор она делала одним пальцем. У нас в армии про таких спецов говорили – «клопа давит».

Тратить час с лишним на небольшой документ – непозволительная роскошь для следователя городского уголовного розыска. У него в работе одновременно, как правило, находится от трех до пяти уголовных дел, если не больше. За каждое из них с бедолаги строго спрашивают.

И без этого набора капитан Радимова каждый день засиживается в кабинете дотемна. Я даже не отвожу ее домой, потому что она не может сказать, когда освободится. Я только каждое утро доставляю ее к месту службы.

Из подобного положения есть несколько выходов. Первый – нанять наборщика. Например, меня. Я печатаю достаточно быстро, хотя, без всякого стеснения признаюсь, и не профессионально. Допускаю много опечаток. Второй – сменить работу. Третий – научиться печатать хотя бы двумя пальцами, как это делаю я.

Вообще-то при желании я мог бы научиться работать и всеми пальцами, хотя тут имеется физиологическая сложность. Беда в том, что у меня все пальцы на руках переломаны. Не одновременно, тем не менее полноценно. С нужной скоростью они не работают, хотя в кулак сжимаются всегда вовремя. Но городское управление внутренних дел, скорее всего, не пожелает оплачивать работу такого наборщика текстов.

Значит, первый вариант отпадает сам собой. Второй не устроит капитана Радимову, поскольку она свою работу любит до самопожертвования. Остается третий.

Наверное, она сама его выбрала и сейчас только начала процесс обучения. Одним пальцем люди обычно печатают тогда, когда плохо знают клавиатуру. Познакомится с ней лучше, начнет двумя работать. Но я здесь ей не наставник, сам пока еще ученик.

Но ждать целый час, пока капитан Саня завершит набор, я не стал. Жутко скучно молча сидеть столько времени. А молчать придется, иначе она завершит набор только к вечеру. Поэтому я пару раз вздохнул для приличия, вытащил из верхнего ящика стола скоросшиватель и начал читать, как полагается, с последней страницы.

Алевтина Николаевна Соколянская жила с двенадцатилетним сыном Вениамином в просторной трехкомнатной квартире, расположенной в элитном доме. Двор сего строения, как и полагается, был огорожен трубчатым парапетом. Взрослый человек запросто перешагнет через него, а ребенок поднырнет под нижнюю трубу.

Во дворе имелась стоянка для автомобилей жильцов и их гостей, охраняемая, крытая, огороженная профнастилом и, разумеется, платная. Алевтина Николаевна каждый месяц отстегивала денежку за три места, хотя имела только одну машину. Два предназначались для гостей, которые в ее доме бывали часто. Причем не по два человека, а сразу большими компаниями. Почти все они оставляли свои машины на улице, поскольку во двор их не пускала охрана. Не полагалось.

Автомобиль убитой женщины по сей день находился там же, на стоянке. Месяц только начался, и все три места были оплачены заранее.

Все эти данные я почерпнул из описания осмотра места происшествия. За ним следовали протоколы допросов свидетелей – охранников стоянки, двора и консьержки, работающей одновременно на оба подъезда, существующих в доме.

Я начал с охранников. В тот вечер дежурили три парня. Все они приехали из деревень, работали в городе вахтовым методом по месяцу, потом столько же времени отдыхали дома.

Ребята, как один, заявляли, что видели, как Алевтина Николаевна выезжала со двора, отвозила сына к матери. Ее они знали хорошо, как и других владельцев стояночных мест. Им даже было известно, что сына к матери она отвозила тогда, когда у нее ожидались гости.

Сама Алевтина Николаевна была человеком общительным, время от времени беседовала со всеми охранниками.

Один из них даже как-то занимал у нее деньги. При этом парень сразу начал клясться, что отдал их, хотя никто у него об этом не спрашивал.

Сей факт мог значить, что парень не вернул долг. Или же он боялся, что его заподозрят в убийстве из-за нежелания отдавать деньги.

Но сумма была небольшой – пять тысяч руб-лей. Из-за таких денег обычно не убивают. Разве что когда грабят незнакомых людей, надеясь на большее.

Был зарегистрирован в журнале охраны и момент возвращения Алевтины Николаевны, то есть время, когда она поставила машину на стоянку. Однако оттуда имеются два выхода. Один ведет во двор, в сторону дома, второй – на улицу.

Все три охранника, допрос которых проводился по отдельности, обратили внимание на то, что Алевтина Николаевна покинула стоянку через второй выход, то есть пошла домой не сразу, сначала направилась на улицу. Ждал ли ее там кто-то – этого парни не знали. Следить за улицей – не их обязанность, а излишним любопытством никто из них, похоже, не страдал.

Две камеры засняли передвижение Соколянкой по стоянке. Видеозаписи прилагались к материалам дела. Я имел возможность просмотреть их, если бы у меня возникли какие-то вопросы.

Еще пара камер стояла около дворовых ворот. Одна из них смотрела в сторону подъезда, вторая – на калитку и совсем небольшой участок улицы.

Обе они были расположены не особенно умно, но Алевтину Николаевну засняли. Первая – когда она входила с каким-то мужчиной во двор. Вторая зафиксировала, как Соколянская с этим мужчиной прошла в свой подъезд. Как он выходил, ни одна камера не зарегистрировала. Ни ночью, ни утром, ни позже.

Не видела этого и консьержка – стандартный «божий одуванчик», всегда занятая, как все бабушки ее возраста, вязанием носков внукам. Она сказала, что не обратила внимания на парня, с которым Алевтина Николаевна входила в дом.

Дежурная комната располагалась на первом этаже, между входами в подъезды, окошки из нее смотрели в каждый из них. Старушка вполне могла совсем кого-то не заметить или взглянуть на него лишь мельком. Именно этим объяснялся тот факт, что она не сумела описать парня, не могла даже сказать, во что он был одет.

А выйти незамеченным, по мнению следственной бригады, было проще простого. Наверное, парень не пользовался лифтом при спуске с этажа. Он мог без звука пройти по лестнице, потом – вдоль стены до окна консьержки, там присесть, на четвереньках пробраться под ним и выйти.

Однако это не исключало попадания его в поле зрения видеокамеры наружного наблюдения. А этого не случилось.

Камеры наблюдения были недорогие, черно-белые, без инфракрасной матрицы ночного наблюдения. Они показывали только человека в темной одежде, которого трудно было идентифицировать.

Короче говоря, в протоколах было зарегистрировано, что мужчина, подозреваемый в убийстве, прошел вместе со своей жертвой в ее квартиру. Но дом он вроде бы не покидал.

Резонно было бы предположить, что мужчина остался в подъезде. Он является здешним жильцом или имеет тут друзей, у которых остался переночевать. Но никто из соседей не опознал этого человека по фотографии, выведенной с записи видеокамеры наружного наблюдения.

Хотя менты тоже не зря свой хлеб едят. Они ползали по подъезду чуть не на четвереньках и обнаружили слабый кровавый отпечаток на подоконнике между первым и вторым этажами, что навело их на мысль о пути, которым преступник мог бы покинуть дом. Это окно выходило на другую сторону дома и не попадало в сектор обзора камер.

На подоконнике отпечатался окровавленный палец, но в обыкновенной рабочей перчатке. Значит, установить личность преступника по этому факту было никак нельзя.

Пластиковое окно оказалось закрыто изнутри. На первый взгляд это исключало использование его в качестве выхода из подъезда, хотя под ним находился бетонный козырек. Он нависал над служебной дверью, через которую рабочие по необходимости чистили мусоропровод.

Но менты – народ дотошный. Они внимательно осмотрели задвижку и обнаружили на ней следы отвертки. Эту штуку кто-то недавно снимал. Зачем – стало понятно тогда, когда один из оперов уголовного розыска открыл окно, а потом убрал с задвижки руку. Она медленно, неторопливо закрылась.

Видимо, убийца открутил задвижку, отрегулировал замок и поставил железку обратно. Потом он выбрался на козырек, захлопнул окно, и задвижка закрыла его.

Мне подумалось, что такой выход преступник должен был подготовить для себя заранее. Может быть, он даже уносил задвижку домой, чтобы довести ее до нужной кондиции. В таком случае этот умник обязательно должен был чем-то подпереть окно, чтобы оно не раскрылось, пока он не поставит задвижку назад.

Все это требовало от преступника хорошего знания местных условий. Если он не живет в этом доме, то хотя бы один раз приходил сюда, чтобы провести рекогносцировку. Значит, следует хорошо просмотреть все старые записи видеокамер.

Капитан Саня как раз отвлеклась от клавиатуры и ответила на телефонный звонок.

Поэтому я не побоялся оторвать ее от умных мыслей и сообщил:

– Убийца наверняка бывал у Соколянской раньше и хорошо изучил пути отхода, чтобы не попасть под наблюдение видеокамер. Нужно просмотреть записи хотя бы за весь предыдущий месяц. Где-то он обязательно мелькнет.

– Ты начинаешь приобретать опыт. – Капитан Саня одобрительно улыбнулась. – Но забываешь, что у нас он давно уже есть. Такой вариант мы, естественно, просчитали. Ты не посмотрел, что за диски прилагаются к делу?

– Нет. Они, как я понял, в конверте?

– Да. Мини-диски CD-RW, то есть с возможностью перезаписи. Каждый полностью заполняется в течение тридцати шести часов. Потом начинается новая запись, которая накладывается на предыдущую, стирает ее. Эта мелочная экономия расходных материалов нам дорого обходится. Приходится тратить средства и время на поиск, которого, возможно, не было бы, имей мы записи за более длительный период. Но мне нравится ход твоих мыслей. Читай дальше, может, еще что-то дельное подскажешь.

С пола на потолок я от ее слов не упал. По крайней мере не ушибся. Капитан Саня свое дело знала и могла бы быть моим учителем в сыском деле. А я-то самонадеянно думал, будто нашел то, что полиция упустила. Но это вовсе не значило, что у меня опустились руки. Я стал только больше уважать уголовный розыск и продолжил изучение документов. Вернее, вернулся к первой странице, чтобы заново прочитать протокол осмотра места происшествия.

План квартиры был выполнен рукой кого-то из оперов уголовного розыска. Ему явно было лень взять в руки линейку, чтобы провести прямые линии и хотя бы минимально соблюдать масштаб. Но она показалась мне достаточно просторной для двух человек.

Впрочем, я не завидовал. Мне было просторно даже в моей однокомнатной квартире, где имелся только необходимый минимум мебели и никак не помещался тренажер, который я надумал себе купить.

Здесь же, в квартире убитой женщины, судя по плану, мебели было больше, чем свободного пространства. Мне такое не нравится.

Из того опера, который делал план квартиры, не получился не только архитектор, но и художник. Женское тело, нарисованное рядом с обеденным столом в большой комнате, больше походило на очертания инопланетянина из созвездия Кассиопеи, чем на человеческие.

Словесное описание тела говорило несравненно больше, чем рисунок. А максимум информации давали фотографии. В деле присутствовали снимки из квартиры, где произошло убийство, и из морга.

Имелось и заключение патологоанатома, производившего вскрытие. Смерть наступила в результате обширного кровоизлияния в мозг, ставшего последствием удара по голове каким-то тяжелым тупым предметом, имеющим несколько шиповидных ребер-выступов. Скорее всего, это был кастет.

После удара женщина, наверное, упала головой на стол и разбила нос. Из него на скатерть стекло много крови.

Обильные следы ее на теле и одежде стали следствием многочисленных неглубоких резано-колотых ран, нанесенных неизвестным острым оружием или предметом, используемым как таковое. В четырех местах эти ранения носили парный характер, в двух – тройственный. В четырех случаях расстояние от одной раны до другой равнялось четырем сантиметрам и восьми миллиметрам. В двух, когда ранения носили тройственный характер, оно было равно трем сантиметрам и восьми миллиметрам.

Эти удары наносились уже по мертвому телу. Кровотечение из ран обуславливалось только тем, что тело еще не успело остыть.

Этот факт слегка смущал меня. Какой смысл колотить мертвое тело? Истерика? Психопатия?

Я отложил в сторону папку с материалами уголовного дела.

Капитан Саня почувствовала мои движения, прекратила набор, посмотрела на меня через плечо и осведомилась:

- Есть вопросы?
- Есть.
- Слушаю.
- Патологоанатом ничего не пишет об изнасиловании. Его не было?
- Если не пишет, значит, не было.
- Выходит, что мы можем подозревать и женщину?
- Возможно, – согласилась капитан Саня. – А основания для таких мыслей есть?
- Есть. Женская психопатия.
- Еще один аргумент, и я соглашусь.
- Поищем и аргумент.

Глава вторая

Да, я сам высказал это предположение, но оно было лишь продолжением нашего с Радимовой разговора о преступлениях, совершаемых людьми разного пола. Признаться, мне было странно слышать, что одна женщина убила другую единственным ударом, пусть даже с применением кастета.

Кастет, конечно, оружие серьезное. Женщина в состоянии оглушить им мужчину, особенно со слабой челюстью и вообще головой. Они ведь по-разному принимают удары. Некоторые мужские черепа женский удар кастетом выдержат без проблем.

Убить одним ударом, тем более в затылочную часть головы, весьма сложно. Его результатом может стать нарушение координации движений, даже паралич конечностей, но смерть – это вряд ли. Роковой удар должен быть очень мощным.

Я знал немало женщин, умеющих качественно бить рукой и ногой, даже профессиональных боксеров и милых дам, занимающихся боями по смешанным правилам. Но ни у одной из них не было такого убийственного удара. Чтобы лишить человека жизни, в атаке должны идеально совмещаться вес тела и резкость, профессиональная постановка удара и отработанная точность.

Вообще-то удар по затылку в состоянии проломить голову. Этот только рассек кожу. Данный факт уже сам по себе говорил о том, что у Алевтины Николаевны был крепкий череп, но, видимо, слабый к физическим влияниям мозг. После удара произошло кровоизлияние с моментальным смертельным исходом.

Конечно, я допускал, что атака была очень резкой. Этим можно объяснить, что череп не проломлен, а только рассечена кожа. Чтобы удар в заднюю часть головы был смертельным, следует бить не по затылку, а под основание черепа. Там легко откалывается отросток кости. Он может повредить базальные отделы мозга, черепные и цервикальные нервы. Иногда при получении такого удара происходит прорыв твердой оболочки мозга.

Перелом основания черепа причисляется к ряду открытых черепно-мозговых травм. Этот удар может оказаться роковым, даже если он наносится без кастета. Даже мягкими частями руки, например основанием ладони.

Я выложил все это капитану Радимовой и сам согласился с тем, что знание таких тонкостей нам ничего не дает, не считая прояснения одного вопроса. Убийца не знает, как устроено человеческое тело. Не врач то есть и вообще не медик.

– Теперь о ранениях, нанесенных Алевтине Николаевне уже после ее смерти. Закрой дверь на ключ, – попросил я.

– Ты будешь раздеваться?

– Да.

– Совсем?

– Нет. Только частично. Зайдут, могут не то подумать.

– А уткнутся в дверь, закрытую на ключ, обязательно подумают не то. И так уже по управлению разговоры ходят.

– Все равно запри. Я стеснительный.

Она послушно встала и закрыла дверь на ключ из своей связки.

Я снял камуфлированную куртку, потом рубашку, спустил на колени штаны и показал Сане два места, где у меня были парные шрамы. На груди и на бедре.

Она начала фотографировать их на телефон и спросила:

– Что это? Очень похожи на те, которые на фотографии. Только почти заросли. Вопрос времени...

Тут по закону подлости, согласно которому бутерброд всегда падает маслом вниз, в дверь кто-то громко постучал.

– Минутку, – ответила капитан Саня.

Я стал торопливо одеваться. Радимова открыла дверь, когда я застегивал рубашку на груди.

Пришел, оказывается, не какой-то посетитель, а начальник уголовного розыска города подполковник Котов.

– Чем вы тут занимаетесь? – спросил он, удивленно глянув на нас.

Я как раз ухватился за замок-молнию на камуфлированных штанах, а он заедал и никак не хотел застегиваться.

– Мы тут, Василий Андреевич, изучаем шрамы, – ответила Радимова. – Капитан частного сыска показал мне повреждения на своем теле, идентичные тем, которые были нанесены Алевтине Соколянской. – Она пододвинула своему начальнику материалы уголовного дела.

Тот посмотрел на фотографии, в которые капитан Саня ткнула пальцем, и буркнул:

– Ну и?..

– Раздевайся! – потребовала Радимова. – А не то начальник нас поймет неправильно.

– Дверь закрой.

Она послушно повернула ключ в замке.

Мне пришлось снова раздеться и показать Санину шефу свои честно заработанные боевые шрамы.

– На ноге уже почти полностью затянулись. На груди были глубже. Но получены в одно время, с интервалом в десять секунд.

– Что за оружие? – поинтересовался Котов.

– Самодельные сякены. Их еще сюрикенами зовут.

– Это звездочки ниндзя, что ли?

– Да. Банду мы в ущелье зажали. Пытались живьем несколько человек взять, чтобы допросить, поэтому сильно не стреляли. Пошли врукопашку. Один из бандитов и начал швырять эти штуки. Две в меня попали.

– Ты хочешь сказать...

– Что в Соколянскую бросали сякены? – вставила свои пять копеек Радимова.

– Да. Почти с уверенностью. Но нужно, чтобы патологоанатом мои шрамы посмотрел и сравнил. Расстояние между лезвиями, количество и заточка таковых может быть разным. Но главное – принцип поражения. Я ему объясню, какими сякены бывают, как бросаются, что за раны могут нанести.

– Думаешь, она оказывала сопротивление?

– Женщина погибла от удара кастетом по затылку. До того как он начал бросать.

– Тогда зачем этот тип кидал железки?

– Чтобы тело изуродовать, – подсказала начальнику капитан Саня.

– Вот-вот, точно. – Я начал одеваться. – От нелюбви ли к женщине, от зависти ли. Психопатическое проявление ненависти.

– Но такая постановка вопроса снова не несет нам даже прояснения пола убийцы, – констатировала капитан Саня. – Изнасилования нет. А Соколянская выглядела достаточно эффектно, должна была нравиться мужчинам, вызывать страсть. Сексуальная женщина. Да и одевалась соответствующим образом. Чтобы мужчин привлечь.

– Шлюха! – попросту и по-ментовски кратко охарактеризовал ее Котов.

– Можно и так сказать, хотя таких особ называют женщинами без комплексов. Но изнасилования не было. Значит ли это, что убийца – женщина? Имеем мы право так утверждать?

– Утверждать не можем, – ответил подполковник. – Но рассматривать такую постановку вопроса как версию допустимо.

– Но вот капитан частного сыска уверяет, что не встречал женщину, которая может убить человека одним ударом. Даже с помощью кастета. Хотя я лично слышала о таких дамочках. Как-то читала даже, что в Иране подготовили целое подразделение женского спецназа. Каждая из них может без проблем голыми руками уничтожить пару мужчин, не имеющих специальной подготовки.

– Это все пропаганда, – возразил я. – Природа или господь – не берусь утверждать категорично – умышленно не дали женщине тех возможностей, которые получили мужчины. Женщины должны быть хранительницами домашнего очага, но никак не воинами. Это априори. По той же причине у женщины и мужчины различная психика. Это как раз то, что мы недавно обсуждали. Природа не случайно не допустила длительного существования племен амазонок.

– Значит, убийца – мужчина? – Капитан Саня спрашивала так, словно я был готов дать категоричный ответ.

Но тут мне пришлось промолчать.

– А теперь еще использование сякенов, броски по трупам. Сделать это может как мужчина, так и женщина, – заявила Радимова. – Разница в результате вроде бы должна быть очевидна. Но мы так и не знаем, с кем имеем дело. Соперница? Однако камера наружного наблюдения показывала нам, что Соколянская пришла с мужчиной. Хотя мы не имеем оснований утверждать, что это был именно тот самый убийца. Может быть, преступление совершил кто-то другой?

– Ответы на эти вопросы мы обязательно получим. Специфичность оружия может дать конкретный след, – заметил начальник уголовного розыска и встрепнулся, словно что-то сообразил: – Александра Валерьевна, сделай-ка запрос по аналогичным преступлениям во всероссийскую картотеку.

– Я вообще-то допускаю, что она пришла с какой-то крепкой женщиной, – заметил я. – Кадры видеосъемки, как говорит запись в протоколе, такого качества, что сказать об этом однозначно никак нельзя. У женщины, особенно спортсменки, атлетическая фигура вполне возможна.

Капитан Саня только плечами пожала.

– Вот и разбирайтесь, – сердито бросил Василий Андреевич, голос которого после назначения на должность начальника уголовного розыска быстро приобрел командные нотки. – Саня, запрос сделай и мне на подпись принеси. Да побыстрее!

Начальник уголовного розыска вышел, забыв, зачем он вообще приходил в этот кабинет. Но это было не страшно. Вспомнит, снова зайдет или позвонит. Я же постараюсь, если обстоятельства позволят, больше перед его приходом не раздеваться.

Капитан Радимова негромко застонала в унисон своим мыслям и села за компьютер.

– Чего страдаешь? – спросил я.

– Опять пальцы ломать!..

– Не напрягай их, расслабленно печатай. Ладно уж, давай помогу. Может, если с работы выгонят, возьмешь к себе секретаршей. Освободи место и диктуй. Я быстро наберу.

Печатать с чужого голоса оказалось не так удобно, как под диктовку собственных мыслей. Тем не менее я справился быстро.

На компьютер начальника уголовного розыска капитан Саня отправляла файл уже сама. Без набора она с этой техникой справлялась вполне терпимо.

Через минуту Котов позвонил и сообщил, что запрос получил, распечатал и передал секретарше для отправки.

– Бюрократия у вас. – Я покачал головой. – В основном там, где не нужно.

– Есть такая беда. А компьютеризация скоро вообще работать не даст, – посетовала Радимова. – А еще говорят, что хотят нам удобство обеспечить. Раньше напишешь от руки, передашь секретарше, а дальше уже все само собой идет. Только забежит она пару раз, чтобы непонятные слова разобрать. Ладно. Я сейчас главному судмедэксперту города позвоню. Съезди

к нему, покажи свои шрамы. Пусть сравнит. Это все же след. Один из немногих. Хорошо бы сякены продемонстрировать. У тебя нет в наличии?

– Никогда ими не пользовался. Но найти, думаю, смогу. Только для демонстрации, с возвратом. Возьму на время в разведуправлении округа. В диверсионном отделе должны быть как образцы. Надеюсь, не пожадничают.

– Поезжай. – Капитан Саня сняла трубку и стала накручивать диск старого стационарного телефона.

Городское управление внутренних дел никак не могло сподобиться на покупку новых, хотя бы кнопчных. В соседних кабинетах я видел такие, но мне сказали, что офицеры приносили их из дома.

– Я поехать с тобой не могу. У меня через полчаса допрос матери убитой Соколянкой, а потом – ее брата. О результатах я тебе расскажу. Алло! Здравствуйте, это капитан Радимова из уголовного розыска...

Я вытащил мобильник, позвонил в разведуправление округа и попросил начальника диверсионного отдела полковника Быковского выдать мне на некоторое время несколько разновидностей сякенов. Мол, срочно нужно для судебно-медицинской экспертизы. Просто показать, не больше. Полковник пообещал выделить эти штуки из своего сейфа, разрешил приехать прямо сейчас, сказал, что закажет пропуск.

С капитаном Саней я попрощаться не стал, просто поднял руку, словно пообещал вскоре вернуться и сразу ушел. Она все еще разговаривала по телефону с главным судмедэкспертом города, диктовала ему мои фамилию-имя-отчество для получения пропуска. Я однажды уже возил туда Радимову, но сам в здание не заходил.

– Ко мне вопросы или просьбы есть? – Полковник Быковский вручил мне пакет с сякенами.

Он был занят, о чем говорило присутствие в его кабинете нескольких офицеров, в том числе и двух из моей бывшей бригады. Они рвались со мной поговорить, но не решались прервать работу. Приставной стол, заваленный картами, тоже не говорил о том, что полковник развлекается.

– Мне бы к начальнику шифровального отделения попасть с просьбой, – неуверенно попросил я, тоже не решаясь мешать Быковскому.

Но он и сам, как мне показалось, был рад ненадолго оторваться от дел, махнул офицерам рукой, дескать, продолжайте работать, а сам набрал номер по внутреннему телефону:

– Виктор Иванович, Быковский беспокоит. Тут к тебе сейчас заглянет с просьбой наш капитан в отставке. Ныне частный сыщик. Помоги ему, чем можешь, уважь. – Положив трубку, Василий Игоревич мотнул головой, показывая мне направление. – Где шифровальщики сидят, знаешь?

– Последний кабинет по правой стене.

– Точно так. Иди. Там звонок. Нажми кнопку, Виктор Иванович выйдет в тамбур.

Я еще по службе в бригаде знал, что вход к шифровальщикам разрешен только командиру соединения и его первому заместителю. При этом кабинете обязательно должен быть тамбур, где шифровальщики принимают посетителей, у которых возникла в них надобность. Я добрался туда, нажал кнопку звонка. Вышел подполковник Федулов.

Мы были с ним слегка знакомы. Он когда-то проверял режим соблюдения секретности у нас в бригаде, посещал мою роту и даже сделал, помнится, какое-то замечание в акте проверки.

Если мне память не изменяет, у нас в казарме в открытом виде висело расписание занятий, в котором фигурировали такие дисциплины, как блокирование радиопеленгаторной станции противника и ликвидация его поста наблюдения. Как оказалось, такие данные должны храниться в сейфе и в голове командира. Отсюда и запись в акт с требованием устранить нарушение.

Я сделал это прямо при подполковнике, не снял расписание с доски объявлений, но замазал темным фломастером строки, которые вызвали у него возражение. Я вообще всегда был человеком покладистым, и в должности командира роты тоже.

– Здравствуй, капитан! – Подполковник крепко пожал мне руку. – Или как к тебе сейчас обращаться?

– Вообще-то меня иногда дразнят капитаном частного сыска, – с усмешкой проговорил я.

– Красивое прозвище, – заметил Федулов. – Чем могу быть полезен?

– Набор на компьютере пытаюсь освоить, товарищ подполковник, – объяснил я, слегка смущаясь своим неумелым враньем. – С этим у меня проблемы. Нет ли у вас каких-то методических пособий для тренировки?

– Есть. Я тебе дам пособие по слепому методу. Обучение для работы всеми пальцами. Сначала двумя указательными, потом по одному на каждую руку будешь добавлять. Научишься, если постарайся. Тебе скорость, как у моих солдат, не нужна.

– А у них она, извините, какая?

– Лучший показывает двадцать одну тысячу шестьсот знаков в час. Это получается шесть в секунду. Быстро работает. Остальные чуть помедленнее. Но тебе это будет лишнее. Выделю, учишься. Дело необходимое. Сейчас без компьютера никуда. – Подполковник ушел в кабинет, вернулся через двадцать секунд и вручил мне тоненькую книжечку.

Почти торжественно. Как награду за будущие заслуги.

– Осваивай. Первые две страницы – рекомендации по занятиям. Потом методические таблицы. Бессмысленный набор знаков. Если по полчаса каждый день заниматься, то быстро освоишь. Методичка не секретная. Можешь не возвращать.

Я поблагодарил его и удалился.

Мне опять пришлось ехать через весь город. Это меня сильно не расстраивало, поскольку к своей относительно новой машине я уже привык, а за рулем всегда себя чувствую увереннее, чем тогда, когда являюсь хроническим пешеходом, опирающимся на реабилитационную палочку.

Хотя тут я чуть утрирую ситуацию. Металлические детали в правой ноге давно уже перестали мне мешать, и палочку я с собой не ношу. Даже ту, которую выписал через Интернет. Внутри у нее кроется стилет.

Честно говоря, протезы мне, может быть, прежде и мешали, но я так старательно убеждал себя в том, будто этого не происходит, что порой забывал про них напрочь. Но я отдавал себе полный отчет в том, что могу не выдержать стандартный пятидесятикилометровый маршбросок. Просто одна нога у меня была значительно тяжелее другой, поскольку кость и металл имеют различный удельный вес. Где-то к середине дистанции я начал бы заметно хромать. Это портило бы строй моей роты. Командиру несолидно первому выпадать в осадок. Потому я и не рвался на перекомиссию.

По пути я заехал в почтовое отделение, где за минимальную плату мне сделали ксерокопию методического пособия. Я хотел оставить ее себе, а оригинал презентовать капитану Сане.

На городских дорогах я чувствовал себя уверенно, даже в безопасности, хотя знал, как ездят в наше время многие из тех, кто только что получил или купил права. Меня многократно спасала от аварий отработанная реакция боевого офицера спецназа. Однако я не расслаблялся, не терял внимания. Самоуверенность как раз и приводит к невнимательности.

Капитан Саня не стала объяснять мне, где искать судебно-медицинскую экспертизу, поскольку всего-то около двух месяцев назад я отвозил ее туда. Она знала, что я запоминаю такие вещи, нисколько не утруждая себя, и не ошиблась в моих скромных способностях. Я не блуждал в поисках и сразу приехал точно, даже не прибегая к помощи навигатора.

За дверью стоял полицейский сержант с дубинкой в руках. Настолько тощий, что мне захотелось пальцем его проткнуть, чтобы услышать характерный треск рвущейся бумаги. Я с

большим трудом удержался от этой невинной шалости. Я молча, не выпуская из рук, показал ему свое удостоверение частного сыщика. Сержант нашел пропуск, выписанный на меня, и показал на лестницу, ведущую в подвал.

Я молча двинулся на запах, типичный, присущий, наверное, всем моргам мира. Тонкий, изысканный аромат формалина непобедим.

Уходя от ментовского сержанта, я по звуку за спиной догадался, что тот снимает трубку телефона и набирает номер. Хотелось надеяться, что он не вызывает для меня расстрельную команду. Оказалось, дежурный предупредил патологоанатома.

Навстречу мне из какого-то кабинета вышел кучерявый худощавый блондин неопределенного возраста в темно-синем халате из плотной байковой ткани. Наверное, постоянно работать в этом холодном подвале без такой одежды – это значит обречь себя на хронический насморк.

– Страхов? – спросил человек.

– Он самый.

– Мне Александра Валерьевна звонила. Я Владимир Владимирович. – Он протянул руку.

Я вынужден был назвать свое имя-отчество, поскольку не видел смысла скрывать эти данные:

– Тимофей Сергеевич.

– Заходите ко мне в кабинет. Там не так прохладно.

Я шагнул туда вслед за ним, удержался и не сказал, что не заметил разницы в температурном режиме между кабинетом патологоанатома и коридором морга. Однако запах формалина здесь был сильнее.

– Вы мне что-то принесли?

Я положил на стол пакет с сякенами, которые сам еще и не рассмотрел. Владимир Владимирович вытащил эти штуковины и принялся их разглядывать. Потом он достал линейку из ящика стола и измерил расстояние между зубцами.

– Можно этого не делать, – объяснил я. – Расстояние произвольное. Одинаковых сякенов не бывает. Разве что где-нибудь на базаре китайские игрушки продают. Боевые же делаются каждым, кто их применяет, самостоятельно, из подручного материала. Обычно используются диски от циркулярной пилы малого диаметра. Надо просто отрезать «болгаркой» лишнее, а оставшееся заточить. Кто имеет возможность, заказывает кузнецу. Такие предпочтительнее. Особенно те, которые выкованы из опасных бритв. Там металл мягче и тяжелее, хотя сами сякены чаще всего мельче. Еще они прекрасно затачиваются.

Из пяти разных сякенов, выделенных мне полковником Быковским, я пальцем отодвинул в сторону три, именно кованые. Тоже, конечно, самоделки, но для моей руки они всегда были удобнее.

– Вы таким оружием часто пользовались? – поинтересовался Владимир Владимирович.

– Нет, только обучался броскам.

– Продемонстрировать можете?

– Повесьте на дверь мишень.

Владимир Владимирович нарисовал фломастером несколько кругов, наложил на них жирный крест и кнопкой прикрепил лист к деревянной двери.

Он еще отойти не успел, только-только руку от мишени убрал, как я взял четырехконечный сякен и с разворотом через плечо бросил его в цель. Одно лезвие вошло точно в перекрестье мишени. Инерция вращения, созданная во время полета, провернула оружие, и второе острие тоже воткнулось в дверь. Только чуть выше.

Патологоанатом вытащил сякен из двери и сразу сунул в отверстие выпрямленную канцелярскую скрепку. Он измерил глубину проникновения, стремительно вернулся к столу и приложил к проволочке линейку.

– Ваш сякен проник в дверь на три миллиметра глубже, чем раны на теле убитой женщины. А дерево крепче, чем тело человека.

Его, видите ли, совершенно не заинтересовала точность моего броска! Надо же! А вот меня самого она весьма впечатлила. Не каждый раз так получается. Я вообще никогда не отличался умением метать сякены точно в цель, хотя и проходил обучение, тренировался упорно.

Такой бросок можно было отнести к случайности. Но Владимир Владимирович этого знать не мог. Любой человек на его месте высказал бы хоть какую-то оценку моим действиям. А он заинтересовался только глубиной проникновения лезвия в дерево. Этот человек явно не мог понять, что такое работа спецназа.

– Тут есть несколько факторов, – попытался я объяснить. – Первый из них таков. Когда мы производили замеры проникновения лезвий в тело, раны уже частично заросли. На живом организме они затянулись бы сильнее, но и на мертвом, пока кровь не остыла, это обязательно происходит.

– Вы меня учить пришли, молодой человек? – спросил он, и по его мутным глазам я понял, что этот человек намного старше, чем показался мне вначале.

Но Владимир Владимирович все же объяснил мне, хотя и с большим недовольством в голосе:

– Я делал поперечный разрез раны, чтобы определить глубину проникновения. Это дало бы точный результат даже в том случае, если женщина дожила бы до утра.

– Я не учу вас, просто высказываю свою точку зрения. Следующий фактор – сами сякены. Они, как я уже сказал, бывают разные – колющие, рубящие, рассекающие ткани тела, – говоря это, я пальцем показывал на острые железки, предоставленные мне Василием Игоревичем Быковским. – Каждый человек затачивает их на свой манер. С одной стороны, с двух, вручную или на станке. Одни могут проникнуть в тело глубже, другие нанесут только поверхностное повреждение. Но сякен в любом случае не смертельное оружие. Он только наносит раны, которые могут помешать человеку вести рукопашный бой. Летальный исход может последовать, если только сякен удачно попадет в горло. Но хорошие специалисты бросают, например, так, чтобы перерубить у противника сухожилия на вооруженной руке. Этого может оказаться достаточно для захвата противника без жертв со своей стороны. Наконец, третий фактор. Человек, который вооружен сякенами. Боксеры наносят удар с разной силой, резкостью, мощностью и точностью. Точно так же с сякенами. Боец сам выбирает их для своей руки – колющий, рубящий или рассекающий. Каждый, кто пользуется таким оружием, знает, что у него получается лучше. Это как талант. Один писатель создает громадные эпопеи, другой, не менее мастеровитый, предпочитает короткие рассказы.

– В ваших словах есть доля правды, но вариант с сякенами вызывает у меня большое сомнение. – Владимир Владимирович, кажется, вообще не желал считаться с моим мнением. – Я не знаю, какое оружие применял убийца, и соглашусь с тем, что оно должно быть экзотическим. Но мне все же кажется, что это не такие вот, как вы говорите, сякены.

Глава третья

Я уехал из судебно-медицинской экспертизы, даже не продемонстрировав Владимиру Владимировичу шрамы от своих застаревших ранений. В этом не было смысла.

Человек захотел, чтобы я оказался неправым, поскольку ему не понравился. Или у него были какие-то другие причины, по которым он и стал упираться.

Это, по большому счету, вопрос не личных отношений, а профессиональной компетенции. Эксперт не имеет права опираться на собственные эмоции. Это мое категоричное мнение. Да, возможно, я проявил некоторую бестактность, когда начал что-то объяснять ему про вскрытие ран. Конечно, он в этом понимает несравненно больше меня. Тем не менее прислушаться к моим словам ему все же следовало. Я это мнение не с потолка в морге по-латыни читал. Оно на опыте базируется, а шрамы от ранений на моем теле написаны кровью.

Все эти соображения я и высказал капитану Сане, когда вернулся в городское управление внутренних дел.

На это конкретное дело уголовный розыск меня не нанимал, но временный пропуск, выписанный при расследовании предыдущего, у меня не изъяли. Я мог спокойно проходить в уголовный розыск и покидать его. Более того, ко мне в этом здании уже привыкли все дежурные и даже пропуск не спрашивали. А в коридорах со мной здоровались за руку менты, которых я разве что в лицо видел, но никогда с ними не знакомился. Не думаю, что у меня возникли бы проблемы при посещении управления вообще без всякого пропуска.

– Я забыла тебя сразу предупредить, что у Владимира Владимировича сложный характер, – посетовала Радимова. – Ему никогда нельзя возражать и уж тем более давать советы. Он любит, когда к нему за помощью обращаются. Предпочитает, чтобы на него снизу вверх смотрели, хотя сам роста невысокого. Если есть возможность, я всегда стараюсь свой совет обратить в просьбу о помощи. Такой своеобразный у Владимира Владимировича комплекс.

– Это не комплекс, а обыкновенный непрофессионализм.

– Не знаю. Он считается классным специалистом. С другим мнением я не встречалась. Однако не буду спорить. Но у меня тоже есть вопрос относительно твоей версии. Для метания сякенов нужна физическая сила?

– Нет, специальная подготовка. Сила и резкость броска отрабатываются длительной и весьма утомительной тренировкой. До состояния, когда рука больше не поднимается. Без этого невозможно бросить сякен так, чтобы он нанес тяжелое ранение. Хотя у Соколянкой и не нашлось серьезных повреждений от них. Поэтому я не буду утверждать, что эти железки бросал специально обученный мужчина. – Я выложил перед ней на стол пакет с оружием ниндзя, предоставленным мне полковником Быковским.

Капитан Саня с интересом разглядывала непривычные штучки.

– Могу повесить на дверь мишень. Поупражняйся. Вдруг когда-нибудь сгодится.

– Если только ради эксперимента.

Дверь в ее кабинете тоже была деревянная, как и в морге. Я нарисовал на листе бумаги мишень, попросил у Сани канцелярскую кнопку и прикрепил свое произведение к двери. Потом я резко отошел в сторону, опасаясь, что капитан Радимова произведет бросок на мой манер, когда моя рука только-только оторвалась от мишени.

Но для этого требовались умение и уверенность в себе. У капитана Сани не было ни одного из этих качеств. Она встала, неумело, по-женски, размахнулась над плечом, а не из-за него, как это делают мужчины, и швырнула сякен.

Он ударился в дверь и упал на пол. Не пожелал воткнуться в дерево, хотя лезвия имел такие, что Радимовой требовалось очень постараться, чтобы добиться подобного результата.

– Да, здесь нужна тренированность, – согласилась она. – Покажи, как правильно бросать.

Я показал. Она швырнула один за другим два сякена. Второй воткнулся в дверь. Правда, рядом с мишенью. Но и это уже было достижением. Да и сам бросок уже выглядел почти мужским. Движение руки капитана Сани после моего показа изменилось, и это придало ее действию определенную мощь. Она начала вкладывать в замах вес своего тела.

Я подобрал упавшие сякены и положил на стол перед Радимовой. Она подняла руку для следующего броска.

В это время в дверь коротко постучали. Потом она раскрылась без приглашения, и к нам снова вошел подполковник Котов.

Я едва успел перехватить руку капитана Сани, уже начавшую движение.

– Покушение на начальника? Чем не угодил? – спросил подполковник, оглянулся и хмыкнул. – Ремонт двери за счет капитана частного сыска или уголовного розыска? Хорошо хоть, что одетыми меня встречаете. И на том спасибо. А то я человек от природы строго семейный и жутко стеснительный. Я даже из комнаты выхожу, когда по телевизору какие-то фривольные фильмы идут. – Он положил на стол несколько листов принтерной распечатки. – Вот, пришел ответ на запрос. Я уже ознакомился. Как и с мнением Владимира Владимировича. Позвонил он мне. Чем-то ему капитан частного сыска не угодил. Патологоанатом просил больше его не присылать, сильно возмутился по поводу знания анатомии. Обойдемся, Тим Сергеич?

Я только слегка скривился и спросил:

– Он признал свой непрофессионализм?

– Владимир Владимирович – лучший в области патологоанатом. У меня нет оснований не доверять столь авторитетному мнению.

– Мне остается только пожалеть область.

– Не будем его судить. Он просто очень не любит, когда его начинают учить непрофессионалы. Отсюда и претензии к вам.

– Я забуду и переживу их. Обидно только, что дело страдает.

– Если только это действительно так, – заметила капитан Саня.

На сей раз она не высказалась за меня, хотя раньше всегда старалась поддерживать. Должно быть, посчитала, что я своими высказываниями честь их мундира пачкаю, хотя судмедэксперты и не менты.

Саня начала читать листы принтерной распечатки, принесенные Василием Андреевичем, и пододвинула один из них мне. На нем была отпечатана фотография человеческого тела со сдвоенными ранами, внешне слегка похожими на те, которые остались на теле Соколянской.

– Шесть лет назад на кухне в своей квартире в Краснодаре была убита женщина. Вилкой для разделки мяса. – Радимова пододвинула мне еще один лист распечатки, где размещалась фотография большой вилки с двумя длинными, острыми зубьями, широкими, как лезвия ножа. – Убийство предположительно было совершено женщиной, приятельницей жертвы – Надеждой Ивановной Тропининой, задержать которую не удалось ни по горячим следам, ни позже. Она до сих пор находится в бегах, и ее местопребывание неизвестно. Объявлена в международный розыск, но результатов пока нет. Было нанесено восемь ударов в разные части тела, хотя смертельным, судя по заключению судмедэкспертизы, был первый из них, угодивший в горло. Остальные удары производились, видимо, в ярости, в припадке. Предполагаемая убийца состояла на учете в психоневрологическом диспансере, но до этого случая не считалась социально опасной. Очевидная ошибка. Против врача тоже было заведено уголовное дело, которое завершилось ничем, поскольку и сама Тропинина пока еще не попала под суд. Нет решения о виновности убийцы, невозможно наказать и врача. Если судить по фотографиям ранений в Краснодаре и у нас, они носят схожий характер.

– Еще похоже, что у нас удары тоже наносились в ярости по мертвому телу, поскольку первый из них уже оказался смертельным, – насмешливо сказал я. – Да, похоже на типичный

случай психопатии. Оглашением такой версии ты обвиняешь своего Владимира Владимировича в еще большем непрофессионализме, чем я.

– То есть?.. – хмуро спросил Василий Андреевич.

– Ваш хваленый судмедэксперт, который патологоанатом, заявил, что раны на теле Соколянской на три миллиметра короче, чем те щели, которые остались на двери его кабинета. А я тогда сякен с силой бросал. Значит, такие повреждения вообще никогда не смогли бы привести к смерти Соколянской. А вилка способна убить. Спросите Владимира Владимировича, могли эти раны быть результатом ударов вилкой, и настаивайте на своем. Он сильно, думается, возмутится. Кроме того, куда делась сама вилка?

– А сякен вообще может убить? – спросил Котов.

– Только при попадании в горло и поражении сонной артерии. Все другие ранения, по большому счету, могут быть только незначительными, вопреки всем этим фильмам про ниндзя. Они даже не остановят физически развитого человека. Как куст шиповника или малины – неприятно, но передвигаться можно. Так же и сякен. По крайней мере, мне не помешало даже попадание нескольких таких вот штучек. От третьей я вовремя увернулся – в лицо летела.

Капитан Саня вздохнула, отодвинула от себя листы распечатки и сказала:

– В этом ты, наверное, прав.

– Ты дальше прочитай, – строго сказал подполковник Котов. – Там очень интересные сведения. Погляди, не ленись.

Она снова стала читать.

– Да, это интересно, – заявила Радимова и мрачно посмотрела в мою сторону, но словно сквозь меня.

Я уже замечал, что она смотрит так, когда сосредоточенно о чем-то думает, соображает или строит планы.

Я не спрашивал, что там такого интересного передали в ответе на запрос. Сама скажет, как обычно.

Она так и сделала, медленно выговаривая слова, словно добавляя этим ясность и привлекая мое внимание:

– По данным краснодарских сыскарей, На-дежда Ивановна Тропинина может скрываться в нашем городе. Здесь проживал или даже сейчас обретается ее бывший муж Тропинин Илья Константинович. Он развелся с ней как раз по причине ее психической болезни, уехал из Краснодара сначала в Челябинск и увез с собой их единственного сына. Кстати, без решения суда. Тропинина не может обратиться туда по причине того, что находится в розыске. Из Челябинска он три года назад перебрался к нам. Мужа Надежды Ивановны проверяли, когда он еще в Челябинске жил. Специально ради этого туда приезжала бригада краснодарских сыскарей, но Тропинин сказал им, что ничего про свою бывшую жену не знает, не виделся с ней с момента расставания. Однако у сыщиков сложилось впечатление, что он говорил неправду – вел себя очень странно, на некоторые вопросы вообще не отвечал или говорил уклончиво, несколько раз обманул следователей. Сына, по словам Ильи Константиновича, тогда в городе не было. Он якобы гостил тогда у бабушки, матери Надежды Ивановны, которая как раз и проживала в Краснодарском крае, в какой-то станице. Сыскари без труда проверили это. Внук к ней не приезжал. Была, правда, еще одна бабушка, мачеха самого Ильи Константиновича, которая на старости лет, сразу после смерти отца Тропинина, снова вышла замуж. Но Илья Константинович с ней отношений почти не поддерживал.

– Да. Но что могло связывать с Тропинину с Соколянской, если убийцей была она? – спросил неизвестно кого начальник уголовного розыска. – Соколянская не связана ни с Краснодаром, ни с Челябинском. Надо искать, что общего могло быть у этих женщин.

Капитан Саня не стала размышлять вслух, как ее прямой начальник, и строить умозрительные догадки. Она просто набрала номер и пригласила к телефону Юлию Юрьевну, мать

убитой. Эта самая дама с трехэтажным «вороньим гнездом» на голове утром нанимала меня на работу и должна была совсем недавно побывать в этом кабинете на допросе. По крайней мере, так мне говорила сама капитан Саня, когда я отправлялся к судмедэксперту. Сюда же обязан был зайти и ее сын – Артур Николаевич, младший брат убитой и тоже мой работодатель.

– Юлия Юрьевна, извините, что опять вас беспокою. Это Радимова из уголовного розыска. Когда вы сегодня у меня были, я еще не имела этих данных, а теперь у нас новые вопросы появились. Нет, приезжать не надо. Можно по телефону. Может быть, вы в курсе. У вашей дочери не было такого знакомого – Тропинина Ильи Константиновича? Так-так. Очень хорошо. Интересно. Спасибо. Мы найдем его. Нет, на подозрении не он, а его бывшая жена. Она уже несколько лет находится в международном розыске за аналогичное убийство в Краснодаре. Извините еще раз. – Радимова положила трубку и посмотрела не на Котова, который ждал ее слов, а куда-то в стену, между шкафами.

Я уже давно заметил, что капитан Саня делает так, когда думает о чем-то важном и никак не укладывающемся в стандартные рамки.

– Прямой след. Только куда он нас приведет?

– Рассказывай! – строго проговорил подполковник.

Я бы на его месте заявил «докладывай». Разный все же в армии и в полиции лексикон.

– Илья Константинович Тропинин работает директором в бутике женского нижнего белья. Он принадлежал убитой Соколянкой. Сейчас Илья Константинович лично и с немалым энтузиазмом – так Юлия Юрьевна охарактеризовала его энергию – занимается организацией похорон Алевтины Николаевны. Они пройдут послезавтра. Но, по словам Юлии Юрьевны, у Ильи Константиновича были сложные отношения с хозяйкой бутика, хотя он человек не агрессивный и не злопамятный. Алевтина Николаевна еще в прошлом году собиралась уволить его, но почему-то не стала. Недавно снова хотела прогнать. Ее, видимо, не устраивали результаты работы бутика. Заняться организацией похорон Тропинина попросил Артур Николаевич. Тот – единственный мужчина из всех директоров. Двумя другими бутиками и галереями управляют женщины. Эти светские львицы ничего иного не умеют, кроме как представлять себя обществу. А похоронные хлопоты – мужское занятие.

– Вот оно! – воскликнул подполковник Котов. – Носом чую, что это след. Упускать его никак нельзя.

– У меня то же мнение, – мрачно и решительно заявила капитан Саня.

Она согласилась, как я понял, вовсе не потому, что не желала идти против мнения начальника. Похоже, Радимова и сама так думала.

– Посмотрим, – сказал я. – Не будем торопиться. У нас же нет никаких улик против кого бы то ни было. Все подозрения – только из головы. Или из носа.

Не знаю, что на меня нашло. Оба они, капитан и подполковник, были опытными сыскарями, у которых мне еще учиться и учиться. Но я где-то внутри себя чувствовал, что это след, который только уводит в сторону.

Так бывает, когда ты идешь по тропе, преследуешь противника и чувствуешь необъяснимую тревогу. В итоге оказывается, что ты шагаешь по следу, оставленному мирными жителями, прогнавшими здесь отару на пастбище. Те, кого следовало бы догнать, вовремя свернули. Возможно, они дышат тебе в спину, готовятся атаковать.

Мне показалось, что мой взгляд не обидел подполковника. Он, наверное, с детства привык, что его дразнят котом Васькой.

– Там еще кое-что есть. – Василий Андреевич кивнул на листы распечатки, которые не стал забирать со стола Радимовой. – Можешь потом посмотреть. Мне все это кажется бесперспективным, но вдруг тоже к делу относится? Проверять требуется, копать, искать. – Он вышел.

Я взглядом попросил у капитана Сани разрешения, взял распечатку со стола и посмотрел. Там было описание трех убийств женщин, совершенных три года назад в Челябинске и безуспешно расследуемых до сих пор.

Наличие похожих преступлений говорило о том, что работает маньяк. Хотя в материалах дела это определение не присутствовало. Все три трагедии походили на случай с Соколянкой уже тем, что убиты были состоятельные женщины. На их телах имелись аналогичные повреждения, нанесенные уже после смерти. В первом случае использовался, скорее всего, острый и узкий нож, который на месте преступления обнаружен не был.

Уже тогда опера пришли к мнению, что эти удары были нанесены ради того, чтобы обезобразить тела. Хотя они допускали и возможность умышленного сталкивания следствия со следа. В первом случае у женщины имелись порезы даже на лице.

Эти данные наводили меня на определенные подозрения, но капитан Саня прочитала сообщение равнодушно. Она уже полностью ушла мыслями в образ преступницы – Надежды Ивановны Тропининой.

Я по своему опыту знал, как трудно бывает отказаться от назойливой мысли, но не верил в эту версию и подлил масла в огонь:

– Не исключено, что Тропинина в это время как раз и была в Челябинске. Да и ее муж...

Капитан Саня встрепенулась, как от звонка в дверь, и схватила листы распечатки, чтобы перечитать их снова.

Мнения у нас с Радимовой были не схожие. Но пообщаться с Тропининым, поговорить на разные темы мы поехали вместе. Правда, я понимал, что в данном случае получил приглашение и использовался исключительно в качестве водителя транспортного средства, не более. Капитан Саня просто проявила ко мне благосклонность, позволила присутствовать при беседе.

Я вел себя соответственно, не стал говорить с Радимовой о своем недоверии к новой версии. Она ведет свое следствие, я – собственное. Саня уже определилась с тем, во что надо верить.

При всем моем уважении к Радимовой я не представлял себе женщину, способную ударом кастета убить другую. В моем понимании это вообще-то даже не каждому мужчине доступно.

Я наблюдал недавно из окна своей машины, как дрались два молодых парня. Что один, что другой задирали подбородки, закрывали испуганные глаза и пытались даже не ударить, а толкнуть противника кулаком в лицо.

Удар – это хорошо поставленное действие, в которое вкладывается не только рука, но и все тело, прокачивающее волной энергию от пальцев ноги до сжатого кулака. Каждое движение тела, любое сокращение мышц тоже должно производиться в определенной последовательности. Это доступно далеко не всем мужчинам, не прошедшим специального обучения.

А уж женщин сама природа избавила от таких способностей. Не дано им бить по-мужски. Допустим, они сумеют отработать правильную координацию своих движений, синхронизируют усилия ноги и тела, выливающиеся потом в кулак. Все равно женщина может даже кастетом только лишить соперницу сознания, не более. Разве что проломит висок, и это станет причиной смерти.

Но в нашем случае удар был нанесен по затылку. Он должен был бы обеспечить сотрясение мозга и рассечение кожи, но оставить Соколянскую в живых.

Исходя из этих соображений, созрел мой скепсис относительно действий полиции. Наверное, он имелся не только у меня, потому что утром, к началу рабочего дня, к нам в детективно-правовое агентство пришли Юлия Юрьевна Соколянская с Артуром Николаевичем. Они опять потребовали от нашего генерального директора, чтобы это дело расследовал именно я, потому что не верили в способность полиции найти преступника.

Петр Васильевич Новиков, сам в прошлом офицер уголовного розыска, к бывшим сослуживцам относился с уважением. Но он помнил о своей ответственности за заработки всего агентства, отказаться от выгодного заказа не пожелал и согласился с требованием клиентов.

Мы поехали в магазин без предупреждения, поскольку не знали номер телефона Ильи Константиновича. Капитан Радимова не сообразила поинтересоваться им у Юлии Юрьевны. Но у нее в материалах уголовного дела были адреса всех трех бутиков и галереи. Все эти заведения имели, естественно, свои названия. Определить по ним бутик нижнего женского белья оказалось возможно.

Я согласился с тем, что «Лолита» – единственное из трех названий, которое подошло бы ему. Даже вспомнил, что, проезжая мимо, обратил на него как-то внимание. Не на сам бутик, а на название, выведенное над дверью и окном светящимися неоновыми трубками.

Когда-то давным-давно я был в этом помещении. Там, помнится, в те времена находился книжный магазин. Проезжая мимо, я подумал, что он просто сменил название. Теперь он именуется по самому известному, наверное, роману Владимира Набокова, единственному его произведению, которое я некогда читал.

Жена тогда пыталась заставить меня осилить еще что-то, кажется, про шахматиста Алевтина. Но я поступил, как тот матрос, который попытался дезертировать с подводной лодки посреди океана, – просто настоял, чтобы меня включили в состав очередного отряда, уезжающего на Северный Кавказ. В результате попал сначала в госпиталь, потом на инвалидность.

В дополнение ко всему я остался без жены. Сбежал от этой дамы, ее книг и хотел надеяться, что навсегда. Она, конечно, считала, что сама от меня ушла. В действительности же мы покинули друг друга, поскольку были чужими людьми и мыслили не в унисон. Книга, которая нравилась ей, у меня вызывала тошноту.

Чтение, признаюсь, мне всегда давалось с куда большим трудом, чем пятидесятикилометровый марш-бросок. Я понимал, что Набоков – писатель хороший, но сама тема романа «Лолита» меня от такого автора отвратила. Я видел там откровенное прославление педофилии, хотя и допускал, что книжный магазин может быть так назван.

Но, судя по адресу, записанному в материалах уголовного дела, это был совсем не книжный магазин, а бутик нижнего женского белья. Для него это название тоже вполне подходило.

Честно говоря, я никогда не бывал в таких заведениях. Даже жене за всю совместную жизнь нижнее белье не покупал, предоставлял выбор ей самой. Я считал, что не мужское это занятие, копаться в женских тряпках, тем более в интимных. Поэтому, посещая бутик даже вместе с капитаном Саней, я чувствовал себя там неуютно. Ассортимент в этом заведении и в самом деле был такой, что вводил меня в смущение.

– В зале подождешь или со мной к директору пойдешь? – с садистским наслаждением спросила Радимова, заметив мое смущение.

– Ты сегодня не в настроении? – осведомился я в ответ.

– Почему ты так решил? – не поняла капитан Саня.

– Говорят, если женщина не в настроении, то потому, что у нее проблемы. В действительности все обстоит иначе. Если вы общаетесь с женщиной, которая не в настроении, то проблемы скоро появятся у вас. У меня своих заморочек хватает, не взваливай на мои плечи еще и чужие. В этом зале я чувствую себя моральным уродом. Мне хочется впасть в то старое доброе детство, когда я был еще вполне целомудренным мальчиком.

– Жизнь летит непозволительно быстро, – ответила Радимова. – Детские неразвитые понятия не успели выветриться из головы, а уже наступает старческий маразм.

– Я же говорю, что ты не в настроении. Уже начинаешь меня маразматиком называть.

– Не будем ругаться, молодой человек, – сказала она неожиданно миролюбиво, как прощания попросила. – Спроси у продавщиц, где директор.

Я спросил.

– За венками в похоронную контору уехал. – Барышня посмотрела на часы. – Будет минут через пять. А вы что хотели? По какому делу?

– Мы из уголовного розыска, – шепнул я, не желая объяснять, что такое детективно-правовое агентство человеку, которому это вообще-то без разницы.

А шепнул тихонько потому, что не хотел объяснять капитану Сане, по какому праву я себя в менты записал. К счастью, она этого не услышала, рассматривала какой-то манекен, весь в прозрачных и призрачных кружевах. Иначе, при ее сегодняшнем настроении, могла бы сказать и что-то колкое, неприятное.

Рассматривание манекена закончилось, как и было обещано, примерно через пять минут. Капитан Саня шагнула ко мне, когда зазвенел колокольчик на входе, раскрылась дверь и вошел высокий темноволосый человек, весь в черном и с несколькими венками в руках.

Мы с Радимовой дружно двинулись навстречу ему, но тут продавщица за моей спиной спросила:

– А Илья Константинович где?

– В машине еще. Сейчас придет.

– Его тут ждут.

Илья Константинович вошел. Это оказался лысоватый человечек небольшого роста, тощий, с изможденным лицом, слегка за сорок. Если исходить из этих параметров и проводить параллель, то жена его должна была быть еще ниже и худощавей.

Хотя это вовсе не обязательно. Достаточно часто встречаются мелкие мужчины, имеющие чрезвычайно солидных жен. В прошлом расследовании нам с Радимовой пришлось столкнуться именно с таким вариантом.

– Вы ко мне? – спросил Тропинин, заметив, что мы выдвинулись в его сторону. – Полиция, как я понимаю?

А он был человеком внимательным. Сразу заметил, что на капитане Радимовой юбка от полицейского мундира.

– К вам, Илья Константинович. – Продавщица говорила с директором почти подобострастно.

Из этого факта несложно было сделать вывод, что Тропинин был суровым человеком, может быть, не особо сдержанным с подчиненными. Впрочем, всегда найдутся такие персонажи, которые с любым начальством, даже с тем, от которого никак не зависят, говорят с придыханием. Это уже черта характера человека, а не следствие отношений, сложившихся в коллективе.

Но вообще в директоре чувствовалось некое внутреннее напряжение, готовое в какой-то момент прорваться. Вопрос только в том, насколько истерично. Я слышал где-то, что нервные, особо чувствительные люди, находящиеся рядом с клиентами психиатров, потом часто сами обращаются к этим врачам.

Мы не знали, сколько прожил Илья Константинович с психически больной женой, но если они успели завести сына, то это должны быть годы. За такой срок способны расшататься даже вполне устойчивые нервы. Винить в этом самого Тропинина не стоило.

– Попрошу ко мне в кабинет. – Он сделал жест, характерный для многих памятников Ленину, и сам стремительно засеменил в сторону двери, ведущей в служебные помещения. – Попробуем там поместиться.

Дверь Илья Константинович открыл ключом, который долго искал по разным карманам, но нашел его в своей левой руке.

Сам кабинет был настолько тесным, что кроме директорского стола с креслом там помещалась только скамья, заменяющая массивные стулья. Нам с капитаном Саней пришлось бы слишком тесно прижаться друг к другу. Я проявил офицерскую совесть и пододвинул скамейку Радимовой.

– А ты?

– Постою.

Она села, вытащила из сумки листы бумаги и ручку, приготовилась вести протокол допроса.

– У меня здесь слегка тесновато, – оценил директор магазина такие вот удобства. – Но приходится мириться – перестраивать помещение не разрешают. Дом считается каким-то архитектурным памятником. Не на складе же мне сидеть.

Мне подумалось, что так он оправдывает свое нежелание пустить капитана Саню на свое место, за стол, где писать, конечно, удобнее. Надеется, что в таком положении она быстрее устанет и закончит допрос. Бедный директор магазина, видимо, мало имел дело с ментами и не сталкивался с их профессиональным упрямством.

– Ничего, мы и здесь поговорим, – сказала капитан Саня, ничуть не стесняясь тесноты, и внимательно посмотрела на меня.

Она явно беспокоилась о моей правой ноге, имеющей титановую вставку в кость бедра и коленную чашечку из высоколегированной нержавеющей стали. Но я держался спокойно и невозмутимо. Не объяснять же ей при Тропинине, что металл по своей выносливости превосходит любую кость.

– Вас интересует все, что связано с Алевтиной, да? Правильно я понимаю суть разговора?

– Да, и с Алевтиной Николаевной тоже, – согласилась моя напарница.

Илья Константинович слушал только себя или сделал вид, что не понял фразу. Он не переспросил, кто еще нас интересует.

– А что я могу сказать про нее? Взбалмошный человек. Предпочитала жить не так, как нормальные люди, а по своему норову. Самое странное, что у нее это получалось. У всех нас есть какие-то мечты или просто желания, которые, как мы прекрасно знаем, не осуществляются никогда, ни при каких обстоятельствах. Мы просто порой думаем о них, и все. А вот она всегда добивалась своего.

– А за что она хотела вас уволить? – задал я вопрос, который Илье Константиновичу, судя по его сердитому взгляду, не понравился. – Не за то же, что у вас не получалось...

– Это давняя история. В позапрошлом году был случай. Она прислала ко мне в магазин какого-то своего друга, который заявил, что скоро будет здесь хозяином. Видимо, очередного жениха хотела поддержать. Этот фрукт, не знаю уж, кем он ей приходился, начал меня учить, как и чем надо торговать. Но я позволил себе остаться при своем мнении. У меня уже больше двадцати лет опыта. Я так понял, что он собрался на Алевтине жениться не ради ее прелестей, а из-за денег. Я разве мог возразить, пусть их, она мне не подруга. Только зачем меня обижать, даже оскорблять? Лишь потому, что он был большим, а я рядом с ним казался совсем маленьким? Вот я и выставил его за дверь. С синяком под каждым глазом. Ремонт потом, кстати, на свои деньги делал. Он лбом стекло выбил. А Алевтина за друга обиделась и предложила мне уволиться по-хорошему, как она сказала. Я уже и место себе новое подыскал. А она с кавалером своим разругалась и сама его выставила. Он тогда за ее подругой приударить попытался. Ошибочно признал себя неотразимым. Вот Алевтина Николаевна его и прогнала. С помощью той же подруги. Почти так же, как я. Насчет синяков гарантии дать не могу, не наблюдал лично. Но дверь в комнате он тоже, как мне рассказали, лбом вышиб. Она же бешеная иногда была. Могла, чего доброго, и покалечить.

Глава четвертая

– Вот и новый штрих в портрете Алевтины Николаевны, – заявила капитан Саня. – Раньше мы о ней слышали только как об утонченной гламурной женщине, поклоннице искусств.

– Вам не рассказывали, как она, когда строили ее галерею, целую бригаду избила? Там три женщины было и один мужчина. Когда против нее дело возбудили, Алевтина от всех откупилась.

Мы с капитаном Саней переглянулись. Открывались новые черты характера Соколян-ской. Такая женщина вряд ли позволила бы просто так себя убить.

– Понятно, – сказала Радимова Саня. – А по какому поводу она хотела вас недавно уво-
лечь?

– О чем это вы? – Илья Константинович откровенно удивился. – Понятия не имею. У нас с ней в последнее время конфликтов не было, кроме, разве что, небольшого недоразумения. Она как-то на днях в обед заехала к нам и спросила у меня, что такое физалис. Я сказал, что это то ли орех какой-то, то ли ягода. Это все, что я знал. Тогда Алевтина приказала мне срочно добыть для нее две баночки варенья из физалиса. Я отказался, поскольку это совершенно не мой профиль. Я даже не знаю, где такое можно купить. Она вообще не привыкла, чтобы ей отказывали в чем-то, наорала на меня.

– А вы ее головой дверь открыли? – не удержался я от ехидства.

Тропинин не выглядел человеком, который может открыть дверь чьей-либо головой. Поэтому меня слегка сместили его рассказы.

– Нет. Я просто сидел и улыбался. Это ее жутко злило. Потом она шла к машине и про-
должала материться. А на следующий день приехала как ни в чем не бывало. Забыла уже про
свое варенье. Я только за день до ее смерти спросил, нашла ли она его. Алевтина сказала, что
через Интернет выписала. Оно уже пришло. Только получить на почте не успела. Хотела от нас
за вареньем отправиться. Я же говорю, чего желала, того и добивалась. Любыми способами,
всеми правдами и неправдами.

Я вспомнил протокол осмотра места происшествия, где описывалось все, что стояло на
столе в день смерти Соколян-ской. Среди прочего там значилась банка с вареньем. Вполне воз-
можно, что оно было именно из физалиса.

– Значит, об увольнении разговора не заводилось? – пожелала уточнить капитан Ради-
мова.

– Нет. Она вообще часто ругалась в таком же стиле. Увольнять меня после каждой сцены
замучилась бы.

– Хорошо, – сказала капитан Саня. – Тогда перейдем к другому вопросу. Когда вы в
последний раз виделись со своей бывшей женой Надеждой Ивановной Тропининой?

Лицо Ильи Константиновича вытянулось так, что челюсть чуть не отвалилась.

– А она-то какое может иметь отношение к смерти Алевтины?

– А кто вам обещал, что мы будем говорить только о Соколян-ской? – вопросом на вопрос
ответила капитан Радимова и выдержала паузу, чтобы дать возможность Тропинину прийти в
себя. – Итак, когда вы в последний раз виделись с Надеждой Ивановной?

– Я не записывал число. Надо в паспорте посмотреть дату развода. Через двое суток после
этого она уехала к матери. На следующий день я отправился туда, чтобы забрать сына. Тогда
в последний раз и виделись. Вы естественно, понимаете, что это было на Кубани. Она там и
осталась, а я уехал сначала на Урал, потом сюда.

– Куда именно на Урал? – спросил я, памятуя, что в материалах по запросу фигурирует тройное убийство в Челябинске и что именно туда уехал Тропинин с сыном, а потом к ним приезжали следователи из Краснодара.

Мне хотелось узнать, будет ли Илья Константинович скрывать это обстоятельство.

– В Челябинск, – ответил он.

– Понятно, – сразу ухватила за тему капитан Саня. – А Надежда Ивановна к вам в Челябинск не приезжала?

– Нет. К нам – нет, хотя в городе могла и быть. Звонила многократно. Надоедала. Помню, вторая половина этих вызовов была не такая, как при междугородней связи. Словно бы внутригородской звонок. Я в Краснодаре нескольких друзей и учеников оставил. Позванивал им, общались, рассказывали друг другу о житье-бытье. Кто-то из них, видимо, и дал ей мой номер. Да она вообще всегда была хитрой. Если ей нужно было что-то узнать, могла у мертвого выпытать, даже не прикладывая горячий утюг к носу. Очень хотела с сыном встретиться. Потому я из Челябинска переехал сюда. Не знаю уж как, но она и новый номер нашла, хотя я его друзьям умышленно не сообщал. Но не можем же мы с Александром постоянно прятаться. Уезжать мы уже не стали, хотя подумывали сначала даже куда-нибудь за границу перебраться. Например, в Прибалтику. Потом решили, что для нас это слишком дорого.

– Сын относится к Надежде Ивановне так же, как вы?

– А как еще? Сначала, конечно, скучал. Потом привык и уже не рвался встретиться с ней. Наверное, до сих пор помнит ее приступы психопатии. Они могли вообще без причины начаться. Помню, прихожу с работы, дома чистота, Надежда только что уборку закончила. Устала. Сидит, руки опустив. Я сдуру возьми да похвали ее. Этого хватило, чтобы она рассвирепела. Ей показалось, будто я обругал ее за то, что обычно у нас бывает грязно, хотя за порядком она всегда следила даже навязчиво. Александру тоже частенько абсолютно ни за что доставалось. А теперь он уже большой, скоро четырнадцать стукнет. Через неделю. Парень уже вполне готов отвечать за свои поступки. Мать оценивает по-взрослому. Детская память цепкая. Мы вчерашнее забываем, а они помнят даже то, что тогда еще не понимали.

– У вас фотографии Надежды Ивановны не осталось?

– Кажется, у сына есть старая. Когда еще в Краснодаре жили. Семь или восемь лет назад мы втроем сфотографировались. Но он этот снимок от меня прячет. Если хотите посмотреть, сами его попросите. Я дома после шести буду. Вечером и приезжайте. Я на кухню уйду, а вас с ним оставляю. Вам он фотографию покажет, если надо. Я его даже попрошу об этом. Но лучше не говорить, что она в розыске за убийство. Я от него это скрываю. Зачем мальчика травмировать?

– Спасибо. Мы обязательно заедем, – пообещал я. – Адрес подскажите.

Он назвал его дважды, ожидая, что мы будем записывать. Но я такие вещи запоминаю.

– Спасибо. Мы заедем.

– Если, конечно, сможем, – сказала вдруг капитан Саня. – У нас на вечер серьезное мероприятие намечается. Так что можем и не успеть. Вы когда ложитесь?

– Всегда поздно. Я вообще мало сплю. Но сына укладываю около десяти вечера. Молодому организму необходимо высыпаться.

– Хорошо. Если не сможем сразу после восемнадцати, то постараемся успеть до двадцати одного часа. Не приедем в это время, не ждите нас.

– Договорились. – Это было сказано так мрачно, словно Илья Константинович лично пообещал нам не позволить приехать к нему домой вообще.

Не понимая, что задумала Радимова, я не возразил и тем самым подыграл ей.

Покинув магазин, мы с капитаном Саней подошли к моему «Джимни», там многозначительно переглянулись и поняли друг друга.

– Едем к Александру?

– Да. Без отца он будет откровеннее.

Адрес я запомнил. Навигатор привел нас к солидному дому сталинской постройки. Я поставил машину во дворе, и мы подошли к подъезду.

На звонок домофона ответил низкий и, как мне сначала показалось, недетский голос:

– Кто там?

– Я бы хотела поговорить с Александром Тропининым.

– А вы кто?

– Капитан полиции Радимова, городской уголовный розыск.

– А что от меня надо?

– Мне об этом следует на весь двор кричать? Или вас повесткой вызвать в полицию?

– Так по какому поводу разговор-то, сказать можете?

Александр, кажется, упорно не желал нас впускать.

– По поводу вашей мамы.

– Заходите.

Щелкнул дверной замок.

Я открыл дверь, посмотрел на количество квартир на лестничной площадке.

– Похоже, четвертый этаж.

Капитан Саня уже нажала кнопку вызова лифта. Послышались скрип троса на блоках и звук электродвигателя.

Но мне показалось, что там, куда мы стремились, заскрипела дверь. Потом слышались легкие шаги человека, спускающегося по лестнице.

Я предоставил капитану уголовного розыска право воспользоваться благами цивилизации и подняться в кабине лифта, а сам двинулся вверх по лестнице. Честно говоря, я не думал, что Александр выпустил из квартиры мать, предполагал, что он вышел сам.

Наверное, это был и не отец, обогнавший нас в дороге. Тот мог просто позвонить и предупредить сына, о чем можно разговаривать с полицией. Ни к чему ему было ездить.

Но я ошибался. Этот тринадцатилетний подросток оказался чрезвычайно ранним. Навстречу мне спускалась девочка примерно того же возраста или даже младше, в сильно измятой, криво надетой юбке. Она упорно смотрела на лестницу, лицо ее покраснело.

До двери я добрался раньше лифта и по скрипу половиц за дверью понял, что Александр наблюдает за лестничной площадкой в дверной глазок. Но в квартиру не спешил, предоставлял капитану Сане возможность первой переступить порог. Поиски Надежды Ивановны Тропининой – это ее инициатива.

Я считал, что в этом деле замешан мужчина, хотя и не представлял еще, кого и где надо искать. Но на своем мнении я не настаивал, помалкивал, пока меня не спросили.

Честно говоря, мне не нравилось, что опытные сыскари относились ко мне свысока, как к дилетанту. Я признавал, что таков и есть, но не настолько, чтобы пренебрегать мной и моим мнением. Казалось бы, люди из уголовного розыска уже могли убедиться, что мои соображения по поводу преступления всегда имеют под собой твердую основу. Но профессиональные следки и опера почему-то думали иначе.

Что мне оставалось делать в такой ситуации? Только заниматься своим делом и, когда меня просят, продолжать блуждания в дебрях преступного и всякого иного мира. Из отставного военного разведчика тоже может получиться вполне качественный Иван Сусанин.

Лифт наконец-то доставил капитана Саню на четвертый этаж в целости и сохранности. Даже трос не оборвался. Номер квартиры она запомнила, сразу шагнула к нужной двери и нажала кнопку звонка.

Замок щелкнул сразу, и я еще раз убедился в том, что за мной наблюдали в дверной глазок. Никто не успел бы подойти на звонок из комнаты. Да и скрип двери был тем же самым. Я его услышал, когда Александр выпускал подружку.

– Вы из полиции? – спросил Александр, приоткрыв дверь, но не снимая цепочку. Лица его в темноте прихожей видно не было, голос звучал низко и колоритно.

Капитан Саня вытащила свое служебное удостоверение и подержала несколько секунд перед щелью, давая возможность Александру прочитать хоть что-то в полумраке лестничной площадки. С таким же успехом она могла бы показать и абонемент в баню. Мальчик разглядел бы там то же самое, то есть ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.